

КСЕНИЯ КНОРРЕ ДМИТРИЕВА

журналист, руководитель
пресс-службы отряда
и инструктор Школы
«Лиза Алерт», старший
поисковой группы

🔍 КТО ТАКИЕ ПОИСКОВИКИ-
ДОБРОВОЛЬЦЫ И КАК
К НИМ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ

🔍 КАК УСТРОЕН ОТРЯД
И ЧЕМ ОН ЖИВЕТ

🔍 ИСТОРИИ ПОИСКОВ,
ТРАГИЧЕСКИЕ И СЧАСТЛИВЫЕ

🔍 ПРОФИЛАКТИКА: СОВЕТЫ ТЕМ,
КТО ЛЮБИТ ГУЛЯТЬ В ОДИНОЧЕСТВЕ

НАЙДЕН, ЖИВ!

ЗАМЕТКИ О ПОИСКОВОМ
ОТРЯДЕ «ЛИЗА АЛЕРТ»

Призвание. Книги о тех, кто нашел свое дело в жизни

Ксения Кнорре Дмитриева

**Найден, жив! Записки о
поисковом отряде «Лиза Алерт»**

«ЭКСМО»

2020

УДК 316
ББК 60.5

Кнорре Дмитриева К. А.

Найден, жив! Записки о поисковом отряде «Лиза Алерт» /
К. А. Кнорре Дмитриева — «Эксмо», 2020 — (Призвание. Книги
о тех, кто нашел свое дело в жизни)

ISBN 978-5-04-109052-4

Лес, в котором летом так весело собирать грибы, кажется знакомым, как свои пять пальцев, а родной город с его улочками и скверами – небольшим и уютным. До тех пор, пока кто-нибудь не затеряется в нем: близкий человек, лучший друг, сосед, чья-то бабушка или незнакомый ребенок. Эта книга о том, как люди ищут и находят, как учатся конструктивно сопереживать и действуют даже в самых тревожных ситуациях. Это одновременно заметки журналиста и дневник волонтера поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт», который делает все, чтобы потерявшийся человек не пропал. Каково это – быть внутри поисков, являться движущей силой, стремящейся скорее сократить расстояние между поисковиками и человеком, блуждающим в темноте? Тревога, дурные предчувствия, страх, добрая воля и ответственность. Все это поглощается одним желанием – найти человека живым. Как быть, когда родственники не хотят помогать в поисках? Имеет ли право поисковик что-то обещать семье потерявшегося? Зачем создан отряд? Какие мотивы руководят этими людьми? Ответов много, они очень разные, порой неожиданные.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-04-109052-4

© Кнорре Дмитриева К. А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

«Лиза Алерт»: заметки с поисков	9
Первый поиск	10
Статья для «Новой газеты», октябрь 2015 года	13
Ночная кофе-пауза	21
«Иду и ем мороженое»	24
Однозначные бабушки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ксения Кнорре Дмитриева Найден, жив! Записки о поисковом отряде «Лиза Алерт»

Отряду, который люблю.

Моим близким, которые все понимают.

Мужу, без которого ничего бы этого не было.

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

Pavlo S, Brovko Serhii, Victor Metelskiy, Atstock Productions / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

В оформлении использованы фотографии *Александра Сайганова, Ирины Макушиной, Владимира Смолякова*

© Кнорре Дмитриева К., текст, 2020

© Давлетбаева В.В., иллюстрации, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Не так давно мне приснился очень странный и живой сон.

Будто бы я снова сижу в одной из учебных аудиторий на факультете журналистики с кучей народа, и перед нами стоит преподаватель – незнакомый, ничем не примечательный, поэтому мы шумим, слушаем вполуха и занимаемся своими делами.

А он настаивает на том, что сейчас расскажет нам что-то очень важное, что-то такое, что целиком изменит наше представление о том, что и как мы пишем, и даст понять, верное ли занятие мы выбрали для себя в жизни. И настолько спокойно и уверенно он говорит, ни к кому конкретно не обращаясь, что я поневоле перестаю болтать с соседями, отключаюсь от шума в аудитории и начинаю слушать его с растущим вниманием.

А он продолжает, не обращая внимания на то, слушают его или нет. Он говорит, что все мы пишем для чего-то. И для каждого из нас любой наш текст – не только способ поделиться чем-то, что мы не хотим или не можем проживать в одиночку, но и что-то еще, очень важное, основная причина того, почему мы все начали писать и сделали это делом всей своей жизни. И я вижу, что его слушают всего несколько человек, хотя он явно говорит что-то такое, чего никто не говорил нам за пять лет обучения и что очень важно понять и услышать.

– А теперь, – говорит он, – возьмите листок бумаги и одним словом – только одним словом! – сформулируйте то, что, на ваш взгляд, заставляет вас писать журналистские и прочие тексты. Возможно, после этого вам станет проще жить и работать.

И я беру лист бумаги и пытаюсь найти это одно, самое важное слово, но мыслям тесно. Как одним словом сформулировать то, что для тебя твое горячее, что дает надежду на то, что все это ты делаешь не зря, что это кому-то нужно?

Я беру ручку и собираюсь написать на бумаге: «СПАСЕНИЕ».

И сама себя останавливаю. Ручка повисает в воздухе. Откуда столько пафоса? Что, каждый мой текст кого-то спасает? Интервью с интересными людьми, родительские заметки, смешные зарисовки с прошедших поисков – это разве про спасение?

Я снова берусь за ручку и пишу на бумажке: «ПОМОЩЬ».

Помощь – это то, ради чего я делаю все в своей профессиональной жизни. Я пишу, надеюсь на то, что кому-то это будет полезным, кому-то поможет.

Успокоившись, я подхватываю свою сумку, беру лист и иду к преподавателю сдавать ответ.

Но у самого стола я снова останавливаюсь и опять понимаю, что это не то, мой ответ неточен. Не желание помогать сажает меня за ноутбук или, во всяком случае, не только оно. Незнакомый преподаватель уже протягивает руку за листочком и вопросительно смотрит на меня. Я бормочу, что ошиблась, разворачиваю свою бумажку, зачеркиваю «ПОМОЩЬ» и кое-как, на весу, криво пишу: «ЛЮБОВЬ».

Любовь к тому, что я делаю.

Любовь к людям, которые рядом.

Любовь к удивительным свойствам человеческой души.

Любовь к миру, в котором мы живем.

И еще много-много разных любовей, о которых очень сложно говорить человеческими словами.

«Лиза Алерт»: заметки с поисков

Выезжая на поиски в составе поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт», я в какой-то момент стала после них записывать впечатления. И вскоре обнаружила, что у меня накопилось уже много заметок и они не только о поисках, но и о другом: об отряде, о людях вообще, о нашей современной жизни, о смерти, о равнодушии и, наоборот, неравнодушии. Мы стали публиковать их по пятницам в группах отряда под названием «Пятничные заметки».

Потом нам стали писать возмущенные читатели, если вдруг в пятницу заметки не выходили...

Потом я стала получать по вечерам в пятницу сообщения: «Не ложусь спать, жду...»

Потом я поняла, что получилась книга из записей про отряд «Лиза Алерт» 2015–2019 годы.

Но чтобы она была не только интересной, грустной, смешной, спорной, восторженной, шокирующей и так далее, но и полезной, я добавила в нее справочные материалы – как об отряде «Лиза Алерт» и поисковом деле, так и о наших правилах безопасности, рекомендации для родителей и для тех, у кого в семье есть пожилые люди, интересные факты о поисковиках и другое.

А еще здесь нашлось место для отрывков из интервью, которые я в разное время брала у наших ребят. Мне очень хотелось показать вам их такими, какие они есть на самом деле, – может, тогда вы их поймете и даже полюбите, как я.

Первый поиск

Интересный вопрос – как люди приходят в «Лиза Алерт»?

На свой первый поиск я попала по работе: делала серию репортажей о волонтерской работе в разных организациях для «Новой газеты» и однажды в октябре 2015 года позвонила в поисково-спасательный отряд «Лиза Алерт» по телефону горячей линии, чтобы познакомиться и попасть на поиск. Агата (теперь я знаю, что это была она) мгновенно перезвонила и приветливо спросила, в каком формате я собираюсь писать об отряде. Я объяснила, что концепция серии, которую я пишу, в том, чтобы я сама волонтерила, оказывалась в рабочих ситуациях организаций, поэтому мне необходимо поехать на поиск.

– Хорошо, – сказала Агата, – но вы же не поедете на поиск ночью куда-нибудь в Тульскую область?

– Почему это не поеду? – возмутилась я. – Как раз-таки с удовольствием поеду!

Агата как будто удивилась, но обещала держать меня в курсе.

Буквально через день она позвонила мне, и я выехала часов в 11 вечера куда-то под Сергиев Посад.

Помню, все это было очень странно, необычно; единственное, что я сообразила сделать, – это взять с собой полный термос с кофе. И вот я лечу по ночному шоссе, горячий кофе выплескивается на ноги, играет приятная музыка, и мне так хорошо. Бросаю взгляд за окно и вижу темную массу леса на фоне лилового неба, и тут же меня покидают весь мой уют и комфорт: впервые в жизни я ощутила, что где-то прямо сейчас, в абсолютно черном ночном лесу, в холоде, без еды и воды мечется ошалевший от ужаса или лежит без сил на ледяной сырой земле человек. Я устроилась поудобнее и придавила педаль, как будто мой скорый приезд мог кому-то помочь.

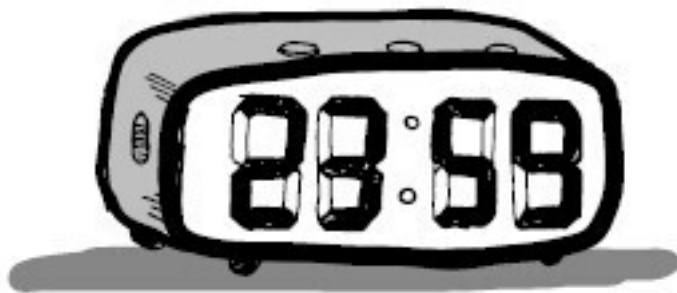
...Эта моя первая ночь была полна приключений: покаталась на квадроцикле, провалилась на нем в болото, ползала несколько часов по лесу с одной из групп (вынесла оттуда полную шапку грибов), и каждый раз, оказываясь в штабе, я наблюдала людей, которые приходили из леса и падали в машины от усталости, чтобы поспать два-три часа и снова идти на поиск или ехать на работу. Я говорила, слушала, смотрела. Под конец, часов в пять утра, мы сели в машину с координатором поиска Виктором Дулиным – у него начался перерыв, а мне для текста нужно было взять у него комментарий. Я уже еле моргала, а он был спокоен и бодр, говорил четко, интересно и логично, что всегда очень располагает к человеку.

– Как вы попали в «Лиза Алерт»? – спросила я, стараясь четко выговаривать слова.

И он рассказал, как однажды два с половиной года назад случайно увидел в «Твиттере» объявление: искали девочку и просили добровольцев приехать и помочь. Он приехал, помог, посмотрел, послушал, поговорил – примерно так же, как и я сейчас.

– И вот поглядел я на это все, – сказал Дулин и широкой рукой обвел то, что было вокруг: спящих, приходящих и уходящих поисковиков, мигавшую «люстрой» поисковую машину, штук пять машин, где отдыхали люди, – и понял, что именно этого мне и не хватало в жизни.

Потом я ехала домой через рассветный Радонеж, «напихавшись» жвачкой и открыв окна по совету ребят, чтобы не заснуть, и когда на фоне розового неба встал нечеловеческой красоты храм, я чуть не заорала от полноты жизни, от упругого утреннего воздуха, бившего в лицо, от сизых курящихся полей, потому что точно так же, как и координатор, поняла: это именно то, чего мне не хватало в жизни.

Почему ищут в основном ночью?

Поиски в природной среде часто ведутся ночью, и для людей со стороны это кажется странным: почему? Что там вообще можно ночью увидеть? У этого есть свои причины, плюсы и минусы.

Причин несколько.

Во-первых, обычно, когда человек теряется, до наступления темноты всем еще не страшно: скоро он выйдет, надо только немного подождать. Но с приближением ночи становится тревожнее, и особенно тем, кто остался в лесу (как правило, без спичек, зажигалок, фонаря и прочего инвентаря, который позволил бы отнестись к этой истории как к приключению). Поэтому к вечеру количество звонков на горячую линию отряда резко возрастает, особенно в грибной сезон, когда все стремятся в лес.

Вторая причина тоже легко объяснима: мы чаще всего ищем ночью, потому что днем работаем и у нас просто порой нет технической возможности организовать активный дневной выезд. Конечно, когда речь идет о срочных поисках – человек в угрожающей жизни ситуации, ребенок в лесу, – все бросают всё и бегут искать, но все-таки днем нам иногда приходится работать.

Безусловно, ночью хуже видно, но для решения этой проблемы у нас есть хорошие сильные фонари (но сильные в меру – если луч света «выжигает» все вокруг, в этом нет ничего хорошего). А кроме того, ночью в лесу гораздо тише, чем днем, поэтому намного выше шансы услышать пропавшего.

Использование ATV и вездеходов на поисковых работах

На поисках мы используем разную технику, которая может пригодиться для решения наших задач, в частности квадроциклы. У них высокая проходимость, и с их помощью можно доставить группу до точки, в которой они начинают выполнение задачи, можно прочесать поле, опушку и так далее. Проблема с квадроциклами – равно как и с любой другой техникой, одна: когда за рулем новички, не участвовавшие ранее в поисках, как правило, они не готовы грамотно выполнить задачу. Обычно это владельцы квадроциклов, оказавшиеся поблизости и не имеющие представления об алгоритмах и правилах поиска. Спасибо им огромное за неравнодушие, но иногда результат их работы невозможно засчитать (например, они на высокой скорости промчались по квадрату, и приходится зачесывать тот же участок заново). Еще более тяжелый вариант – когда владельцы такой техники отправляются на задачу и проваливаются куда-нибудь сами. Это означает, что их надо вытаскивать, то есть тратить на это жизненно важные для поиска ресурсы, время и так далее. Поэтому мы ужасно рады помощи владельцев машин, но только если они готовы соблюдать технику безопасности и работать строго по задачам, придерживаясь инструкций координатора или старшего группы.

Статья для «Новой газеты», октябрь 2015 года

«Лиса-13» идет по следу

...Сегодня поисково-спасательные работы ведутся в Сергиево-Посадском районе. В четверг днем из садового некоммерческого товарищества ушла в лес 89-летняя бабушка. С тех пор прошло больше суток, а ее еще не нашли.

Штаб поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт» на краю поселка можно найти по обилию машин и людей. Штаб – специально оборудованная спасательная машина, которая тарахтит всю ночь напролет, освещает окрестности, греет тех, кто вернулся из леса и спит в кабине, сушит мокрую одежду, дает ток для компьютера и прочей техники. Рядом со штабом постоянно находится координатор поиска Виктор Дулин – как потом выяснилось, экономист, юрист, предприниматель, владелец ресторана «Дулин-Хаус» и главный редактор газеты «Жизнь гражданина России». Он показывает мне на ноутбуке карту и объясняет: вся местность разбита на квадраты. Пешие группы называются «лисы», те, кто на колесах, – «ветер». Члены группы получают навигаторы («навики»), в которые с компьютера координатора заливается информация об их квадрате. Пока они ходят, навигатор записывает информацию о пройденном пути. Каждая группа получает в разработку свой квадрат и прочесывает его – то есть максимально эффективно пересекает, осматривая, закрашивает, как бы заштриховывает на навигаторе. По возвращении навигатор подсоединяется к компьютеру, и информация о прочесанной местности появляется на общей карте. Навигатор чистится, в него заливается новая информация, и он готов опять отправляться в лес.

Два чиновника в лесу

Дулин отвлекается на вернувшуюся группу, и я отхожу. Один из поисковиков – Аполлон (поисковики называют друг друга по позывным с форума «Лиза Алерт»).

– Как это случилось? – спрашиваю я про бабушку. – За грибами пошла?

– Нет, – говорит Аполлон, – просто ушла в лес. Все пошли обедать, а бабушка Зоя до стола не дошла – прошла мимо. Она в одной кофте, а сегодня похолодало...

Я боюсь спросить, сколько времени человек в кофте может оставаться живым в холодном ночном лесу, и молчу, но Аполлон бодро отвечает на не заданный мной вопрос:

– Ничего, люди и не в такой холод выживают. У нас был один – зимой пропал. У него с собой бутылка была, мы его нашли в сугробе – идти не мог, ноги отказали, – так он как замерзнет, из бутылки отпивал. Когда его эвакуировали, всю машину нам изгадил ...

Аполлона зовут, и я продолжаю разговор с его собеседником.

– Я чиновник, – с гордостью сообщает он мне и явно ждет реакции. Я бурно удивляюсь, и он представляется: – Начальник районного отдела гражданской обороны. Нас тут двое, второй чиновник в лесу.

Дулин раздает уходящей в лес группе навигаторы, и чиновник с тоской в глазах смотрит на технику: у них таких нет, а они явно не были бы лишними в их работе.

– Недавно вон на квадрокоптер с тепловизором еле наскребли, сегодня днем с ним искали. Нашли только какого-то строителя, который мусор выкидывал в лесу, отругали его... А потом ветер поднялся, квадрокоптер сдуло на хрен, невозможно работать.

– Уж у кого-кого, а у вас навигаторы быть должны, – говорю я, – вы же отдел гражданской обороны.

Чиновник фыркает:

– Должны! Конечно, должны! И у нас, и у МЧС много чего должно быть, а... а...

Из него явно рвется что-то непечатное и нелояльное, и он умолкает.

«Белые волки» на четырех колесах

Подъезжают четверо на квадроциклах, снимают шлемы и подходят к нам. Знакомятся тут быстро, без лишних церемоний.

– Аполлон, «Лиза Алерт», – говорит Аполлон и протягивает им руку.

– «Белые волки», Пушкино, – отвечают квадроциклисты и пожимают ее.

Квадроциклы могут прочесывать просеку, и пассажир, который будет освещать лес и в него всматриваться, им нелишний, поэтому мне вручают фонарь, шлем, личные перчатки Дулина (он презрительно фыркнул, посмотрев на мои вязанные рукавички), «аккумулятор» (запасной аккумулятор), ребятам – навигатор, и мы разъезжаемся двумя парами в разные стороны. Оказывается, квадроцикл прет, как танк, через небольшие канавы, по кочкам, подминая под себя березовый молодняк два метра высотой, но застревает и опасно кренится на поваленных бревнах. Мы пытаемся проехать по болоту и в конце концов в него проваливаемся. Я спрыгиваю прямо в жижу, а водитель Олег вытаскивает «квадрик». Когда он газует, из-под колес летит густая волна грязи и окатывает его с ног до головы. Наконец мы выбираемся. Ребята пытаются разобраться с навигатором, и мы снова едем, останавливаемся каждые сто метров, глушим мотор и кричим:

– Зо-о-о-я!

Вслушиваемся, и потом:

– Зоя, постучи по дереву!

Ребята дергаются: им в четыре надо быть в Пушкино и в шесть – в Москве на работе, поэтому мы возвращаемся к штабу. Они, как бы извиняясь, сбивчиво объясняют, куда и почему им нужно, обещают вернуться, но их не слушают: никто никого никогда не осуждает за то, что ему надо ехать. Кому-то надо на работу (прямо с места поисков, после бессонной ночи), кто-то должен сменить мужа, оставшегося с ребенком, у кого-то приезжают родственники...

Все это знают и все равно, уезжая, оправдываются.

Бабушка-рецидивистка

Каждый раз, подходя к штабу, я вижу там немолодого мужчину. Он молча стоит возле машины и напряженно вслушивается во все разговоры, пододвигаясь ближе к говорящим, чтобы ничего не пропустить. Это сын потерявшейся бабушки. Я то и дело натыкаюсь на его взгляд и не выдерживаю, отвожу глаза.

Дулин забирает наш навигатор и подсоединяет к компьютеру.

– Ребята сказали, что навигатор дурит, – говорю я. (Они использовали другое слово.)

– Все с ним нормально, – отвечает Виктор, вглядываясь в трек квадроциклистов на ноутбуке и ругаясь вполголоса. – Этим и плохи необученные добровольцы: конечно, спасибо им за помощь, но, видишь, вам сказали ехать на север, а вы поехали на юг. А там уже прошла группа. И мало того что вы поехали не туда, но еще и не прошли просеку до конца. То есть теперь мне надо думать, кого туда послать.

Я виновато молчу.

– Ладно, – говорит Дулин. – Силы есть? Пойдешь с пешей группой?

Конечно, пойду. Я осторожно интересуюсь – нет ли случайно запасной сухой обуви? Но с Дулиным такие номера не проходят:

– Промочила ноги?

Я шевелю ногой в сапоге, слышу плеск и уклончиво отвечаю:

– Так... Чуть-чуть...

– Обходишь машину – с той стороны дверь. Залезаешь внутрь, снимаешь мокрую обувь, носки, брюки и сушишь на печке. И пока все не высушишь, в лес не пойдешь.

– Но... – пытаюсь возражать я, еще не зная одно из основных правил поисковиков, – у меня в машине есть кроссовки.

– В кроссовках в лес я тебя не пушу, – отвечает он и так смотрит, что я молча иду в машину.

Через пять минут мне находят брюки, сапоги и носки, и я как раз успеваю к уходу очередной группы – «лисы-13». Нам раздают фонари и запасные аккумуляторы, а руководителю группы Володе – навигатор. Володя весь увешан какими-то устройствами, на нем специальные очки, Дулин дает ему инструкции.

– Так, где можно, пойдете цепью с интервалом не более полутора метров. Бабушка была в сером: серая юбка, серый платок. Это плохо...

Мы стоим и разговариваем. Ребята рассказывают про эту бабушку и называют ее рецидивисткой: они хорошо про нее знают, в моей группе – Оки-Доки, которая как раз нашла ее в прошлом году.

– Она точно так же просто ушла в лес, даже без корзины. 22 сентября это было. И тоже двое суток ее искали. Мы шли и кричали каждые 20–30 метров. Я никогда не забуду, как она, когда я ее нашла, спросила меня сердито: «Ты чего разоралась на весь лес?!» Сидит такая на осинном гнезде без тапочек, я ее спрашиваю: «Бабушка, как вы?» А она: «Устала, есть хочу». И все. Так что сутки она может провести в лесу спокойно. Правда, сейчас холодно.

– Зо-о-о-я! – доносится с опушки.

– Она не будет отзываться, зря мы орем, – говорит Оки-Доки. – Это такой человек... Не хочет чужой помощи. Устанет – сядет и будет сидеть.

– У нас один такой есть, в Талдомском районе, так мы его уже раз шесть-семь искали, только в этом году два раза, – подключается к разговору еще один.

– «Лиса-13», вы мне надоели, – говорит Дулин. – Вы пойдете в лес или нет?

И мы уходим.

«Лиса-13» работает на отклик

Пока не вышли на наш квадрат, мы идем гуськом по лесу и освещаем пространство слева и справа от себя. Я иду предпоследней и разговариваю с замыкающим Банши. Он учит меня правильно держать фонарик, объясняет, что надо кричать «стоп» не только если что-то случилось (сел фонарик, упала, увидела объект поиска), но и если видно что-то, что может быть связано с недавним присутствием человека: тряпка, обувь, раздавленный гриб. Сначала идти легко, но постепенно лес густеет. Время от времени мы останавливаемся, Володя достает рацию и всех оповещает:

– «Лиса-13» работает на отклик.

Это нужно, чтобы другие группы не подумали, что кричит потерявшийся.

После этого один из нас во всю силу глотки кричит в лес:

– Зоя! Зо-о-о-о-я!

Мы замираем и вслушиваемся в ночь и ветер. Володя равнодушно сообщает рации:

– «Лиса-13» работу на отклик закончила, – и мы идем дальше.

Довольно скоро мы выходим на вырубленный простор. Лес повален так густо, что идти невозможно. Мы некоторое время продираемся, затем садимся и совещаемся. Володя отмечает на навигаторе: «Завал» – его надо будет осмотреть с вертолета. Мы разворачиваемся и идем в другую часть квадрата.

Я почти спотыкаюсь об огромный подберезовик, срываю его и показываю Банши.

– Это не гриб, – презрительно машет он рукой. – Вот белые – да, а это так. Я раньше любил собирать грибы... А теперь смотреть на них не могу: из-за них люди пропадают. Хотя у нас рядом с дачей леса грибные, и места знаю, а все время, сколько я в отряде, не хожу – не могу.

Я спрашиваю его, как он попал в отряд.

– Четыре года назад читал как раз вашу «Новую газету», а там была статья с хорошим названием: «Каждые шесть часов в России навсегда пропадает один ребенок». Навсегда, понимаете? Каждый день – минус четыре ребенка. Я просто не смог пройти мимо.

– Как вы думаете, что происходит с этими детьми, которые пропадают навсегда? – спрашиваю я его.

Он долго молчит.

– Я не знаю, и никто точного ответа вам, конечно, не даст. У меня есть только мои соображения. Я думаю, что процентов сорок из них или больше убиты собственными родителями.

Теперь мы молчим оба.

– Весной у детей часты парные пропажи: один провалился под лед, второй стал его вытаскивать и тоже ушел. В городе есть отдельная группа потеряшек – девочки 13–14 лет. У них любовь, они исчезают, потом возвращаются на третьи сутки, счастливые и смущенные...

Я спрашиваю про поисковиков – кто они?

– Все очень разные, – говорит он, – и года три назад я задумался: что же в нас общего? И я понял. Тут есть коммунисты, либералы, верующие, неверующие, хорошие, бессовестные и так далее, но нас объединяет одно: мы активные. Мы не можем сидеть на месте. А здесь найдется дело любому. Чтобы идти в цепочке и смотреть направо и налево, никаких особых навыков не нужно.

Я слушаю и думаю о том, что, возможно, помощь другим – единственное, что вообще может нас всех объединить...

– Кто-то идет сюда за поддержкой самоуважения, кто-то из-за азарта. Бывает, что девочка приходит, потому что хочет найти стоящего мальчика, вон сколько у нас в отряде свадеб. Да ради бога! Кто-то приходит просто потому, что хочет помогать людям. У нас есть один такой – невысокий, неспортивный, у него 100 поисков в год. Это фантастика! Вы представляете – он выезжал каждые три дня! Учитель закона божия. Просто не мог не ехать, когда пропадали люди. Один наш разгильдяй сказал замечательную фразу: я, говорит, этой бабке, может, в автобусе места не уступлю, но вот я здесь.

Старший командует строиться в цепь, расставляет нас, и мы идем цепью. Забегать вперед нельзя, надо стараться держать дистанцию и идти по возможности по своей траектории, напролом. Я иду рядом со старшим, Володей. Кто-то кричит «стоп», мы останавливаемся – надо заменить батарейки в фонаре. Володя садится на бревно, видно, что он устал: это не первый его выход сегодня ночью.

– Если ходить несколько часов и всматриваться в лес, глаз, наверное, замыливается? – спрашиваю я его.

– Замыливается, – отвечает он, – но есть правило: первый привал через два часа и потом в каждый последующий час. Даже если человек устал, он все равно может наступить на того, кого мы ищем. Но больше суток подряд мы искать в лесу не даем, даже если человек сам рвется продолжать.

– Почему?

– Через сутки без сна люди начинают чудить. Например, человек может лечь на землю и уснуть. Все уходит с привала, а он остается.

Мы уже встаем, и я спрашиваю Володю в спину:

– Ты кто по профессии?

– Бизнесме-е-ен, – отвечает он с иронией в голосе.

В половине пятого мы возвращаемся в штаб, сдаем снаряжение. К отсутствию результата здесь относятся спокойно: без десятков таких холостых выходов не может быть одного успешного.

Нравнодушное большинство

Пять утра. У Дулина есть полчаса, и он, вместо того чтобы поспать, садится со мной в машину разговаривать. Я с трудом ворочаю языком, а он собран и спокоен.

– Как выглядит процедура поиска?

– У нас достаточно четкая и структурированная схема. Информация о том, что кто-то пропал, поступает в инфогруппу. Она находит свободного координатора и информационного координатора (инфорга) поиска – они всегда работают в паре. Координатор – это человек, отвечающий полностью за весь поиск, за людей на поисках, за результат, а инфорг обеспечивает координатора данными, контролирует списки людей, поддерживает форум, прозванивает больницы. Он находится дома, выезжает на место редко, если там есть доступный интернет, потому что для него главное – это интернет и телефон. Плюс у координатора в зависимости от объема поисков, как правило, появляется помощник на месте – он ведет учет выданного оборудования, помогает координатору. Здесь у нас сегодня небольшой поиск – не более 25 человек, а если их, скажем, 40, то координатору даже просто переговорить со всеми невозможно.

– Теряются в основном дети и старики?

– Нет, теряются все. Просто пропавшие взрослые в период с 18 до, скажем, 55 лет – это, как правило, что-то криминальное.

– От чего зависит, сколько на поиски приезжает народу?

– От возможностей людей, их свободного времени, от личности потеряшки. Если это ребенок, то, естественно, люди бросают все и едут, это приоритет. Поэтому на детей, как правило, собирается максимальное количество людей. Много народу собирается, когда есть очевидная угроза жизни. Чем холоднее, тем опаснее, и поисковики понимают, что счет идет на часы. Летом на то, чтобы найти человека живым, есть трое, четверо, до девяти суток, но сейчас чем холоднее, тем короче этот срок. В любом случае, чем быстрее начат поиск, тем больше шансов найти человека и найти его живым. Это как с преступлением – проще раскрыть его по горячим следам.

– Люди из вашего отряда, которые бросают все и приезжают искать незнакомого человека в лесу, – кто они?

– Поисковики – очень разные ребята, с разными представлениями о жизни, о политике, вообще о чем бы то ни было. Они все объединены одной целью – найти человека, и в этом они совершенно безумные. Их объединяет желание помочь человеку, попавшему в беду. Это люди, которые не пройдут мимо утопающего, избиваемого, страдающего. И таких людей, как ни странно, вообще большинство.

– Почему это должно быть странным?

– Потому что нам пресса подает несколько иные примеры. Это мое личное мнение. До того как я пришел сюда, я был искренне убежден, что люди хуже. Люди от самого низшего класса до среднего оказались много лучше, чем мы думаем или чем я думал. А вот, например, должностные лица, занимающие высокое положение, сильно равнодушней, чем те, кем они руководят. То ли заскорузлость, то ли уже профессиональная деформация личности, то ли еще что-то...

– Есть ли какой-то обязательный объем работ в отряде, обязанности?

– Если вы обратили внимание, я всех, кто приходит, спрашиваю, на что он готов, сколько у него времени и так далее. В любом случае каждому приехавшему уже однозначное спасибо, потому что он взял на себя хоть какую-то маленькую толику работы, независимо от того, привез ли он пирожок или доставил кого-то к месту поисково-спасательных работ и уехал. Любая помощь всегда приветствуется. Единственное, есть три жестких правила, которые соблюдаются в отряде. Первое: никто никогда не пьет на поисках. Если человек приезжает в легком подпитии, его не сожгут, но он никогда не получит ни одной задачи, будет в легком нежном игноре.

Второе правило – спасатель не должен создавать ситуацию, при которой мы вынуждены будем спасать его. Это очень часто касается машин, квадроциклов, внедорожников. Если ты едешь в лес, должен понимать, что ты не на покатушках, твоя задача не просто проехать, твоя задача – проехать безопасно и со смыслом. Если ты понимаешь, что можешь там застрять, туда ехать не надо, потому что дальше будут отвлечены силы на то, чтобы тебя оттуда вытащить. И третье – с координатором не спорят. Конфликты бывают, но редко, потому что, как правило, для них нет причин, все объединены одной целью. По большому счету отсутствует даже соревновательность. В целом люди просто довольны тем, что человек нашелся, и неважно, ты его нашел или сосед. Самая большая плата за работу – это глаза, даже не самого потеряшки, когда его находят, а родственников. Однажды их увидев, ты понимаешь, что за все уже получил. Бывает, что приезжаешь за 150 километров от города в подобное садово-огородное товарищество и там дедушка и бабушка, которые никому не нужны: ни детям, ни внукам, ни двум бедным участковым, у которых территория такая, что они ее не то что обойти – даже объехать не могут физически. И когда мы туда приезжаем со всеми этими нашими машинами, оборудованием, людьми, они, конечно, ничего не понимают, в их глазах написано какое-то такое ощущение, что это фантастика, такого не может быть – чтобы все это было ради них. Они ощущают себя нужными. И эти глаза решают все. Когда ты их видишь один раз, этого более чем достаточно.

– Откуда у отряда деньги на оборудование, информационную поддержку и так далее?

– Все, что вы видите, куплено на личные средства поисковиков. Те, кто побогаче, могут купить не один навигатор, а десять, и они находятся у хранителей. У «Лиза Алерт» нет юридического лица, нет расчетных счетов, в отряде вообще нет финансовых отношений. Ни с одного найденного человека и его родственников мы не получаем ничего, неважно, бедный он или богатый. У нас нет никаких взносов. Это то, что меня в свое время привлекло в отряд, – нет никаких финансовых отношений.

– Как вы попали в «Лиза Алерт»?

– Два с половиной года назад сидел дома, читал «Твиттер», увидел объявление: в Нахабино пропала девочка. Поднял свою задницу и поехал на поиск. Приехал, встретился с людьми, посмотрел на работу и понял, что это, видимо, то, чего мне не хватало в жизни. Решил, что у меня достаточно времени, сил и возможностей, чтобы этим заниматься. Не могу сказать, что у меня много средств, но на то, чтобы купить поисковую машину и заправить ее бензином, есть.

– Что бы вы посоветовали иметь с собой тем, кто гуляет один по городу или по лесу, особенно детям и старикам?

– Обязательно взять с собой заряженный телефон. Это очень помогает, в том числе в лесу. Во-первых, с человеком можно поговорить, убедиться, что он в порядке. Во-вторых, можно сориентировать его и вывести по телефону, не заходя в лес. Таких случаев очень много. Человек сидит на поляне, мы с ним разговариваем, он говорит: «Я вижу солнце вон там». Мы смотрим карту, видим точку, где он находится, понимаем, какими дорогами он ограничен, даем ему направление, и он выходит самостоятельно. В-третьих, сейчас к поискам активно подключилась авиация. Если у человека есть телефон, он может сказать, что видит вертолет, и дать направление, где его искать – правее, левее. Если вертолет там сесть не может, он фиксирует точку, и туда направляется группа.

– Что еще?

– Должна быть записка в кармане – имя, фамилия, кому звонить, откуда человек. Это касается не только города, но и леса: потерявшийся может выйти на дорогу. Если говорить конкретно о детях, то самое главное – ребенок должен быть научен никуда и никогда не ходить с чужими людьми ни под каким предлогом. Объясните, что если он потерялся, пусть стоит на месте и ждет вас. Это относится к любому потерявшемуся человеку и в лесу, и в городе, не только к ребенку: как только человек начинает двигаться, он резко затрудняет поиски. Объ-

ясните ребенку, что если он потерялся в городе, он должен обратиться или к полицейскому, или к работнику какого-нибудь общественного места – магазина, ресторана, банка, – или к человеку с ребенком. К первому встречному обращаться не следует, и надо крайне осторожно относиться к предложениям о помощи.

Р. С. Днем Дулин позвонил мне и довольным голосом сообщил:
– Найдена, жива!

Александр Михайлов (Лодочник), руководитель ВПСО «Ангел», пилот, бизнесмен (из интервью portalу «Правмир», «Вертолетный отряд „Ангел“: сказать „нет“ уже никто из нас не может», март 2017 года)

«Однажды в 2006 году поисково-спасательный отряд № 1 при МЧС в Можайске начал поиск в лесу бабушки с двумя детьми. А там лес на запад ого-го какой – если не переходить железную дорогу, то впереди только волки, кабаны и Балтийское море. Представьте себе состояние родителей... Бабушка была на связи, у нее были спички, ей сказали развести костер и никуда не уходить и решили искать ее с воздуха. Ребята из отряда нашли телефон аэродрома Ватулино¹ и позвонили руководителю полетов. Я в это время как раз закончил полеты на своем маленьком самолете и зашел попрощаться. И руководитель мне говорит: „Саша, в районе Можайска потерялась семья в лесу, звонят из МЧС, просят помочь“. Мне стало интересно, и я сказал: давай попробуем. До темноты полтора часа, аэродром тогда был не освещенный – летать в темноте было нельзя, кроме того, портилась погода, шел стеной дождевой фронт, лететь туда минут двадцать, да еще и толком неизвестно куда, но лечу.

Прилетел на место, вижу – костра нет, только в одном месте черный столб дыма, думаю – это точно не моя бабушка с детьми, но поскольку других вообще нет, думаю, полечу, посмотрю, что там. Оказалось, что черный дым – наш: бабушка не смогла найти ничего другого, чтобы поджечь, и запалила заднее колесо от трактора – у нас же в лесу все можно найти, хоть немецкий танк.

У меня с ней связи не было, потому что это почти нереально – управлять самолетом и общаться с кем-то, и гарнитуры не было. Спасатели ей сказали: „Самолет помашет крыльями и покажет вам направление выхода“. Я увидел, что до ближайшей грунтовой дороги километра два. Развернулся, зашел на их костер, снизился и медленно, на самой маленькой скорости, покачивая крыльями, показал в нужную сторону.

Пролетаю, разворачиваюсь – стоят. Я второй раз снижаюсь, машу крыльями – стоят. В третий раз спустился совсем низко, сделал страшное лицо, погрозил им кулаком, описал полный круг, и они потихоньку пошли в ту сторону. Я улетал и возвращался, показывал им направление, смотрел на циклон, на приближающуюся ночь...

Они вышли из леса на поле, которое отделяло их от дороги. Я в очередной раз развернулся, смотрю, подъехал уазик, из него вышли ребята в „зеленке“ – видимо, егеря, они тоже меня видят и понимают, что вывожу потерявшихся на дорогу, на это место.

Минут через пятнадцать подъехала „восьмерка“, из нее вышла женщина, и я понял, что это мама: я улетел к лесу, а эта женщина сразу попыталась бежать

¹ Спортивный аэродром в Московской области, в пяти километрах от города Руза.

в ту сторону, в которую я полетел. Я прямо видел, как мужики ее ухватили: „Куда? Еще не хватало тебя там искать!“ Идти детям с бабушкой еще километр, а я сверху вижу и тех и других.

И вот на краю этого мокрого, грязного, обыкновенного нашего поля первым появился мальчишка – он ушел чуть вперед от сестры с бабушкой.

И тут эта женщина вырвалась из рук мужиков и побежала через поле, и я вижу с самолета, как она бежит по грязище, брызги летят, она спотыкается и падает, поднимается и бежит дальше. Как она рванула к нему... никаких слов не надо, я все это видел с воздуха.

Делать мертвую петлю и стрелять салютами я не стал, но заложил пару вот таких виражей со снижением – мне тоже надо было как-то выпустить свои эмоции...

И только когда увидел эту встречу, я осознал, что я сделал».

Ночная кофе-пауза

Не успеваю записывать впечатления после поисков, а ведь каждый выезд – это маленькая, совсем другая жизнь, другие люди, бесконечные истории, яркие картинки, какая-то пресловутая кроличья нора. И так каждый раз.

Подмосковный город, три часа ночи, поклеили ориентировки, обходим подъезды. Нас подвозит с точки на точку, доставляет ориентировки и караулит немолодой поисковик на хорошей чистой и теплой машине, в которой приятно пахнет и играет джаз. Мы ходим и ходим. Уходим от него и возвращаемся, уходим и возвращаемся. Вдруг наш напарник спрашивает по рации: вам долго еще? Нет, говорим, скоро будем. Давайте, отвечает, ставлю вам кофе.

Выходим к машине. Багажник открыт. В нем крошечная горелка, на ней закипает вода, рядом старый дипломат. Он откидывает крышку, а в дипломате аккуратно разложенные и закрепленные в специальных ячейках штук пятнадцать одноразовых чашек, пакетики с кофе, ложки, сахар. Присмотрелась – все сделано своими руками: крепежи для чашек, карман для пакетиков с кофе, застежка для ложек.

Понимаете? Человек специально возит это с собой – не для себя, для этого можно обойтись и термосом, а для других, замерзших и набегавшихся поисковиков. Он даже сделал для этого специальный удобный кейс – чтобы поить других кофе. И когда ты ночью посреди чужого города после нескольких утомительных часов держишь окоченевшими руками чашку с самым вкусным на свете кофе, который приготовил для тебя совершенно чужой человек, это и есть одна из крошечных граней того огромного, что называется счастьем.

Чай, кофе и еда на поисках

На поисках мы иногда едим, пьем и даже спим, особенно если они длятся по несколько суток (что не редкость). Мы бы и сами рады обойтись без этого

и экономить время и человеческие ресурсы для спасения того, кого ищем, но пока еще не научились (хоть и неустанно работаем над этим). Вот и приходится идти на поводу у собственной физиологии, хотя часто в сильно упрощенном варианте.

Так вот, если на поисках присутствуют люди не из отряда, время от времени нам приходится выслушивать по этому поводу возмущение («Сидят и чаи гоняют, а там в лесу человек мучается!»), а уж если мы упомянули в отчете, что пили кофе или ели, то почти всегда в комментариях найдется человек, который будет этим весьма недоволен.

Мы будем очень рады видеть этих комментаторов на наших поисково-спасательных работах и особенно благодарны за мастер-класс по длительной физической и интеллектуальной нагрузке без еды, питья и сна.

Когда я однажды рассказала в сетях, как ездила всю ночь по подмосковным поискам и развозила подаренную нам накануне мясокомбинатом колбасу, не обошлось без комментария типа «лучше бы походила по лесу поискала, чем ерундой заниматься» – естественно, это написал человек, который благополучно провел эту ночь в постели и не имеет ни малейшего представления о том, что означает для людей, которые несколько часов ходили под проливным дождем, возможность съесть что-то вкусное, как такие вещи согревают, запоминаются и, между прочим, влияют и на желание человека участвовать в этой деятельности.

Вообще, с едой правило в отряде простое: позаботиться о себе сам. Кто-то молодец и взял с собой бутерброды, кто-то заехал по дороге в «Макдоналдс» и купил гамбургер себе и тому парню, у кого-то в багажнике всегда есть запас «Доширака» («Дошика») или «Роллтона». Бывает, что заявители привозят еду или кормят наших ребят у себя дома, что администрация населенного пункта организует питание участников поисковых работ в кафе, что МЧС пригоняет полевую кухню и местные жители, сменяя друг друга, готовят для нас первое, второе и третье. Но так происходит далеко не всегда, поэтому в наших инструкциях для отправляющихся на поиск есть рекомендация брать еду с собой.

То же и со сном. Никто не будет следить за тем, чтобы поисковики спали положенные восемь часов в сутки. Здесь собираются взрослые люди, которые сами способны решить, когда и сколько часов им спать. Но в целом отряд настолько не высыпается, что это уже стало общим местом. Ребята едут на поиски с работы, а потом с поиска на работу – то есть часто проводят на ногах более суток без сна, руководители направлений загружены так, что хронически спят по пять-шесть часов в сутки. У нас не принято на это жаловаться, потому что, во-первых, это личный выбор каждого – поехать сегодня на поиски или выспаться. И если речь идет об участии в активных поисках, то, конечно, координатор с инфоргом² больше будут рады поисковику, который накануне днем каким-то образом сумел поспать, потому что он бодр, активен и заведомо не заснет за рулем по дороге с поиска. Во-вторых, это настолько обычное для

² Инфорг (информационный координатор) – это человек, который занимается поиском, не выезжая непосредственно на место поисковых работ, и, в отличие от других, может это делать из дома, с работы или откуда удобно. Инфоргу для работы нужен только компьютер и телефон. Поисков без инфоргов не бывает – они всегда координируют сбор информации, определяют тактику поиска, находят и анализируют необходимые данные и так далее. И хотя работа инфорга со стороны незаметна и по телевизору вы его, возможно, не увидите, это важнейшая часть работы по поиску, без которой положительный результат просто невозможен.

отряда явление, что удивить кого-то сообщением о том, что ты третьи сутки на ногах, невозможно.

К комментариям о том, что лучше бы искали, чем чаи гоняли, мы относимся спокойно, потому что понимаем, что их пишут люди, не имеющие прямого отношения к поисковой деятельности. Для непрофессионалов ситуация экстренного реагирования выглядит так, что спасатели должны непременно бегать и круглые сутки заниматься только спасением. Отсюда все претензии к тем же пожарным, что они на пожаре «ходят вразвалочку» или вообще «стоят без дела». На самом деле бегущий спасатель на том же пожаре – это признак того, что что-то пошло не так. Кроме того, им надо спать и есть, и если для окружающих пожар – это экстремальная ситуация, то для пожарного – ежедневная работа. Если он перестанет есть и спать, быстро станет бесполезным как боевая единица.

То же самое и на поисках. Поисковикам надо есть, пить и спать, чтобы иметь возможность искать дальше.

«Иду и ем мороженое»

Не так давно «Лиза Алерт» искала убежавшего из дома престарелых дедушку. Я успела только доехать до штаба где-то в Бутово, получить задачу и сделать с напарником круг по заснеженному району поиска, как по рации пришло прекрасное «Найден, жив»: ребята быстро нашли дедушку, посадили в скорую, и мы все разъехались по домам.

В два часа ночи, когда я догрызала на кухне холодную куриную ногу, снова позвонил координатор Дулин, который вел этот поиск, и мрачно спросил:

– Спишь?

Оказалось, скорая зачем-то увезла дедушку в Первую Градскую, там его держать отказываются – он здоров, нет оснований, – и надо везти его обратно в дом престарелых, но, поскольку он немного не в себе, нужен еще один человек для сопровождения, чтобы водитель не остался с ним в машине наедине. Я взяла еще одну куриную ногу для Дулина и снова выкатилась на улицу.

В три часа ночи мы забрали дедушку из больницы (девушки-медики разного возраста с восторгом смотрели на Дулина в разгрузке с нашивками, увешанного всякими рациями; подозреваю, что если бы не мое скромное присутствие, они его оттуда просто так не выпустили бы) и повезли «домой».

Вся эта история была для дедушки развлечением, явно нечастым в его кефирных буднях, и он сидел в штабной поисковой машине, мчащейся по ночному Ленинскому, возбужденно вертел головой, как воробей, и широко открытыми глазами смотрел по сторонам.

Дулин врубил музыку – ретродиск, всякая там «Земля в иллюминаторе», «Я буду долго гнать велосипед», «Миллион алых роз» и прочее; дедушка ахнул, вцепился мне в руку и начал говорить, перекикая диск. Слушать его было сложно: обрывки фраз, фрагменты тем.

– Под эту песню... И я иду и ем мороженое. Земля в этом, как его, да? Круглый? Отец с войны пришел... У деда шестнадцать детей... А потом я ходил на работу, красное здание, – и так далее.

Я кивала, стараясь понять, а он несколько раз повторил: иду и ем мороженое, земля в круглом, и до меня наконец дошло: он вспоминает, как играет «Земля в иллюминаторе», а он идет, ест мороженое и ему хорошо.

– Эта музыка... вы такое мне сделали... вот здесь, в груди, – и прижимает руки к сердцу. А у самого слезы на глазах.

Тут наконец я его полностью поняла.

– Ну и слава богу, – говорю.

Смотрю на него и чувствую: у меня самой тоже что-то такое «вот здесь, в груди». И еще понимаю, что запомню этот момент на всю жизнь, а почему – не знаю.

Пожилые с деменцией – самые частые пропавшие

Пожилые люди с возрастными ментальными нарушениями – это те, кого «Лиза Алерт» ищет чаще других, причем они пропадают как в лесу, так и в городе.

Часто с возрастом человек теряет память и способность ориентироваться, и чем дольше он находится вне дома, тем больше забывает из-за стресса, отсутствия лекарств, физических и эмоциональных страданий.

Проблема в том, что эти люди, блуждая по городу, далеко не всегда заставляют предположить, что им нужна помощь. Конечно, если бабушка зимой идет по улице в тапочках, очевидно, что с ней что-то не так, но часто они нормально одеты и вроде бы вполне адекватно отвечают на вопросы, и только продолжительный разговор обнаруживает нестыковки и несоответствия. Более того, человек с деменцией может очень хорошо знать, куда ему надо, и даже правильно туда ехать, только... он там уже 30 лет не живет, например.

Поиск таких людей, как и всех остальных, происходит по определенному алгоритму. Наши инфорги распространяют информацию о пропавшем, обзванивают больницы, где эти люди могут с большой долей вероятности оказаться, проверяют свидетельства, организуют выезды на место пропажи и так далее.

Отдельной задачей стоит проверка мест, где эти люди жили и работали какое-то время назад, часто задолго до момента пропажи.

Однозначные бабушки

Почему я здесь? Что меня занесло на эти галеры? Адреналин, драйв – это все понятно, а что еще?

Да очень просто.

Во-первых, это реализация вполне понятного для человека, который всю жизнь работает головой, желания сделать что-то своими руками, а не создать очередной бесплотный массив из букв.

Во-вторых – и это еще проще, – хочется чего-то однозначно правильного. Вот вывести из леса потерявшуюся бабушку – правильно, так же как и перевести ее через дорогу.

Правда, Дулин мне и тут испортил настроение – не любит он однозначности, понимаете ли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.